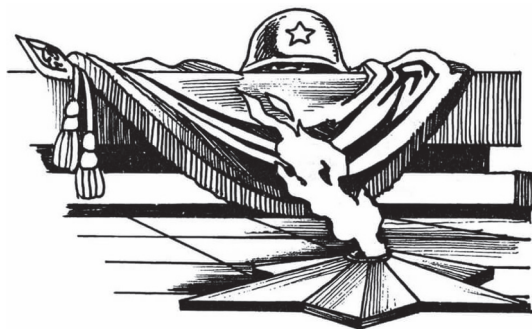

Библиотека Российского союза
профессиональных литераторов

Калужское отделение

Николай Ященко

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Калуга - 2019

*Большое спасибо за помощь в создании книги
«Память о войне» **Вере Николаевне Рытовой**,
главному редактору газеты «Маяк» города Малоярославца.
Она редактировала текст и придумала название книги.
Моей дочери, **Александре Николаевне Яценко**.
Она печатала текст на компьютере,
написанный мной от руки.
Николаю Владимировичу Дудину, моему другу и соседу
по даче, проживающему в городе Москве.
Как первому читателю будущей книги, я прислушивался
к его предлагаемым поправкам, добавлениям
и изменениям в тексте.*

Яценко Н.

Я97 **Память о войне.** – Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»).
2019. – 24 с.

ББК 2(Рос=Рус)6

***Правда всегда остается правдой,
кому бы она ни служила***

Посёлок Детчино находится между городами Калугой и Малахославцем.

Между деревней Малахово и деревней Савиново, в лесу, с правой стороны от дороги, если ехать в сторону села Рябцево из посёлка Детчино, установлен Мемориал Великой Отечественной войны – братская могила.

У дороги стоит указатель.

До 19 октября в районе Родинка – Торбеево – Букрино – Верхние горки – Таурово, на линии, севернее Авдотьино – Малахово – Савиново – Машикино, за речкой Путьинкой, стояли насмерть бойцы 312-й Актюбинской дивизии, Подольские курсанты и разрозненные группы отступавших бойцов.

До сих пор видны траншеи, окопы, воронки от бомб и снарядов. В лесах встречаются доты, вросшие в землю.

За Братской могилой ухаживает клуб «Красная звезда», созданный при МБУ «Детчинский Дом культуры» под руководством Александра Петровича Кускова. Принимает участие и Администрация сельского поселения «Деревня Березовка», могила находится на ее земле.

Братская могила есть в сёлах Юбилейный, Детчино и Воробьево, в деревнях Смахтино, Михеево, Березовка и Рябцево.

Сейчас никто не может сказать точно: кто, где лежит. И правильно будет говорить так: в этих Братских могилах лежат бойцы Красной Армии, защитившие Москву.

В районе села Таурово, в лесу, – одиночное захоронение, могила Неизвестного Солдата. Клуб «Красная звезда» ухаживает и за ней.

Продолжаются раскопки временных захоронений бойцов Красной Армии. В районе Таурово – Верхние горки (бывший пионерлагерь «Липки», Кривуша) подняли 16 бойцов. В деревне Савиново, на окраине кладбища, подняли 13 бойцов. В районе Михеевского железнодорожного моста подняли 25 бойцов. В районе деревни Букрино – Барановка подняли 14 бойцов. В деревне Таурово, в районе «Комплекса», подняли 6 бойцов. За шоссейным мостом через реку Суходрев, в деревне Таурово, слева от дороги, подняли 12 бойцов.

Поиском бойцов занимается отряд Малоарслановского района «Беспокойные сердца». Командир поискового отряда Елена Николаевна Борисова.

А сколько еще не поднято бойцов – знает только Бог.

Я с внуком Алексеем каждый год посещаю эти места боёв, чтобы поклониться павшим героям и возложить на доты полевые цветы. Вечная память героям!

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

Моя бабка, Мария Дмитриевна Белоусова и моя мать, Александра Васильевна Докина, с грудным ребенком, с моим старшим братом (у нас разные отцы), жили в селе Детчино, в доме барачного типа, как поворачивать на улицу «Александра Матросова», с левой стороны.

Перед самой оккупацией моя мать понесла соль родителям мужа, которые жили в деревне Михеево. В селе Детчино склад с солью был брошен на разграбление. Соль во время войны всегда нужна. Все брали её столько, сколько могли унести. С ней шла женщина, жительница Михеево.

Перед самой деревней их обстрелял немецкий самолет. Хорошо, что рядом оказались старые ракеты. Они спрятались за толстый ствол одной из ракет и ходили вокруг неё, по мере того как кружил самолет. Они слышали попадания пуль в дерево. Летчик стрелял в мирных жителей. Фашист. Соли хватило на все время оккупации.

* * *

Рассказала

Мария Дмитриевна Белоусова

Из-за деревни Михеево, со стороны города Малоярославца, с возвышенности, немецкие позиции обстреляли «Катюши». Немцев в деревне еще не было. Не прошло и часа, как налетели немецкие бомбардировщики. Затмили небо.

Бомбили деревню и ее окрестности. Из 84 домов осталось девять.

В деревне Михеево жила моя крестная с родителями. За огородом они вырыли землянку. Сверху накрыли старыми бревнами и досками, засыпали землей. Был небольшой вход и узенькое окошко на уровне земли. От прямого попадания бомбы или снаряда землянка не спасала, но пули и осколки были не так опасны.

Отец крестной при бомбежке и артобстреле любил смотреть в окошко на разрывы бомб и снарядов. Случайный осколок от снаряда попал ему в голову. Он так и остался сидеть, пока жена и дочь не обнаружили, что он мертв. Вот до чего может довести любопытство.

* * *

Со слов

Светланы Анатольевны Чистяковой

Полине Семеновне Синяевой во время оккупации села Детчино было 14 лет. Когда после очередной бомбежки была разрушена библиотека, Полина с другими детьми перенесла книги в подвал своего дома и сохранила их до восстановления здания. Это был подвиг девочки – подростка и ее друзей.

После войны Полина Семеновна работала в райкоме комсомола. Умерла Синяева Полина Семеновна в 2012 году. Пусть земля ей будет пухом!

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

В село Детчино на двух машинах привезли раненых туркменов, более 30 человек. Раненые находились в больнице около трёх суток. Так рассказывала мне мать. Но она не знала, что это были бойцы 312 Актюбинской дивизии, казахи, – герои, преградившие путь немцам к Москве.

На дверях больницы висел замок, медперсонал эвакуирован.

Военные сорвали замок монтировкой и разместили раненых на койках. Матрасов, одеял и подушек не было, их положили на голые сетки и уехали, пообещав санитарке, пожилой женщине (имя я не знаю), которая жила в подвале больницы, вернуться. Но так и не вернулись.

Санитарка кормила раненых вареной картошкой, поила водой, топила печку. Утром, со стороны деревни Верхние горки, стали доноситься взрывы. Женщина пришла к казахам и спросила, понимают ли кто по-русски? Один нашелся. «Немцы отсюда в трёх километрах», – сказала она ему, – сообщи всем. Через 2–3 часа они будут здесь. Пусть, кто может – уходит». Кто мог как-то передвигаться – ушел. Тяжелораненые, а их было большинство, остались. В село Детчино немцы пришли 19 октября. Когда немцы пришли в поселок, то облюбовали под комендатуру больницу, уцелевшую от бомбежек. Раненых за ноги выволокли и бросили в воронку от бомбы, рядом с больницей. За ночь от переохлаждения они умерли. Все ли? Не знаю. Утром немцы закидали воронку землей. После освобождения поселка воинов перезахоронили в братскую могилу в центре посёлка Детчино. Там, где находилась больница, сейчас рынок.

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

Немцы, оккупировав Детчино, приказали всем жителям сдать радиоприемники. За не сдачу – расстрел. Один не сдал. Немцы трубили, что Москву взяли. А он слушал ночью новости и всем шёпотом говорил, что Москва жива, Москва держится. На него донесли. Обыск. Приемник нашли, последовал арест и расстрел. Расстреливать его повел немец тыловик.

В посёлке Детчино есть ров недалеко от центра, как ехать в Калугу, с правой стороны (он сохранился). Здесь немцы расстреливали пленных и незаконнослушных. Ставили на край рва и... Сколько было расстреляно – теперь уже никто не знает. Одних, после освобождения, захоронили в Братскую могилу в центре поселка, у других нашлись родственники.

Приговоренного немец поставил на край рва, но мороз сделал

свое дело, смазка в затворе замерзла, затвор не работал. Видя это, мужчина прыгнул в ров и побежал по твердому снежному насту. В конце концов немец разработал затвор. Выстрелил, но промахнулся. Мужчине удалось убежать и остаться в живых. Но пройдя через неудавшийся расстрел – поседел.

* * *

Рассказала

Мария Дмитриевна Белоусова

Одному жителю села Детчино, имя я называть не буду, дабы не обидеть его детей, внуков, а может и правнуков, было перед самой войной не полных 18 лет, поэтому в Армию его не призвали. Когда село было захвачено немцами, он нанялся к ним присматривать за лошадьми, отчего и получил у односельчан прозвище «хомут».

Когда наши освободили село, его призвали в Красную Армию. Воевал, был ранен, имел награды, но прозвище «хомут» осталось за ним до конца его дней. Не справедливо, конечно, но...

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

Деревня Желудовка находится за Киевской трассой, напротив поселка Детчино.

Когда пришли немцы, в деревне им приглянулся Селезнев Иван, и они назначили его старостой. Отказаться было нельзя, расстреляют. Когда наши освободили Желудовку, Ивана Селезнева арестовали, но через некоторое время отпустили. За него вступилась вся деревня. Он предупреждал сельчан – на какой день немцы планировали обыск, и сельчане прятали все самое ценное. Помогал продовольствием, не злобствовал, никого не наказывал за провинность, ни на кого не доносил.

* * *

Со слов

Марии Григорьевны Ефремовой

рассказал

Владимир Иванович Руденко

Вовремя оккупации деревни Сляднево немцы отобрали на тяжелые работы трудоспособных мужчин. Через какое-то время один из них совершил побег. Последовало наказание. Немецкий офицер приказал расстрелять каждого десятого. Среди приговоренных к казни оказался молодой мужчина, в армию его не призвали, видимо по болезни. Он был женат, жена – беременна. За него пришел просить отец жены. Он предложил немецкому офицеру вместо парня расстрелять его. Офицер сказал, что заменить одного на другого он не может.

Это нарушение дисциплины. Парня расстреляли, вот она немецкая пунктуальность.

Разве можно победить такой народ, где люди жертвуют собой ради других?!

* * *

Рассказала

Нина Фёдоровна Мельникова

Нине Федоровне Мельниковой, во время оккупации, было 11 лет. Она жила в деревне Мотякино с мамой и тремя сестрами (старшей – семнадцать лет, младшим – девять лет и два года). Деревня находится в километре севернее деревни Березовка. В то время в ней было 12 домов. Однажды, до прихода немцев, Нина Федоровна пасла корову и увидела у стожка спящего русского офицера (на воротнике тускнели ромбики). Она привела его домой, мама накормила. Он отдохнул и ушел ночью. В дорогу ему дали еды и телогрейку. Когда пришли немцы (молодые, красивые, рукава закатаны), то стали ходить по домам. Забрали поросенка, кур, корову оставили. На огороде они увидели пчелиные улья. Стали требовать мед. Мед, который был не спрятан, мама Нины Федоровны отдала, но немцы потребовали еще. Флягу меда, до прихода немцев, закопали за огородом. Но мама Нины Федоровны сказала, что больше нет. Тогда

они вывели на улицу все семью, поставили к стенке сарая и имитировали расстрел. Было страшно, но мама Нины Федоровны, стояла на своем: меда больше нет. В деревне осталось двое мужчин, один был назначен немцами старостой, звали его Яшей.

Фамилию Нина Федоровна не помнит. Он им шепнул: мед не отдавать: «Если отдадите, то уже точно расстреляют». В конце концов, немцы оставили семью в покое. Наступили холода. Выпало много снега. Во второй дом от края деревни постучала молодая женщина (в первом доме никто не жил, жильцы эвакуировались). Она сказала, что не отдыхала двое суток и просила ее приютить. У женщины был пистолет и граната. В доме жил не совсем нормальный мальчик 13 лет, с матерью (такой же) и бабушкой. Когда женщина заснула, мальчик (имя его Нина Федоровна не помнит), пошел к немцам и сказал, что у них в доме спит партизанка. Немцы арестовали женщину и переправили ее в село Бабичево (там, по слухам, ее казнили).

Когда пришли русские, Яшу (старосту) арестовали и перевезли в Полотняный завод. Люди говорили, что там его расстреляли. Нине Федоровне его было жаль. Ничего плохого он никому не делал. После освобождения собирали убитых русских. За сараем около их дома яма от бомбы, убитых сложили в эту яму и временно закопали. Потом перезахоронили в село Детчино. Что было странно: на убитых не было полушубков и валенок. Как помнит Нина Федоровна: у жителей деревни она никогда не видела после ни белых полушубков, ни валенок. Нине Фёдоровне 89 лет. Дай, Бог, ей здоровья.

Из деревни Мотякино подорвались на mine три мальчика.

* * *

Рассказала

Мария Дмитриевна Белоусова

Трое суток, днем и ночью, двигалась колонна немцев в сторону Москвы. На машинах, на мотоциклах, на велосипедах, конные, пешие, пушки, танки. Перейти дорогу было нельзя.

Пожилая женщина, моя бабка, смотрела в окно и ужас охватывал её сердце.

«Не устоять Москве. Смотри, какая силища идет», – говорила она

своей дочери, у которой на руках был грудной ребенок, мой брат. Ошибалась. Не пройдет и трех месяцев, как вся эта колонна покажется обратно, оставляя на обочинах дороги разбитую технику и трупы своих солдат.

* * *

Рассказала

Мария Дмитриевна Белоусова

Пленных немцы гнали в сторону Москвы. Были уверены в победе. Руки у пленных связаны сзади. В том месте, где сейчас газовый участок, был чей-то огород. На нем торчали мёрзлые капустные стебли. Пленные падали на колени и зубами их грызли. Видимо пленных несколько дней не кормили. Немцы поднимали их прикладами и гнали дальше.

Однажды у дома моей бабки остановилась легковая машина. Из неё вышли два немецких офицера. Не спросив разрешения, они вошли в дом, сели за стол, разложили выпивку и закуску. Через какое-то время от спиртного немцам стало жарко. Они сняли шинели, расстегнули португеи. Когда сильно захмелевшие немцы садились обратно в машину, бабка увидела забытую одним из них португею, висевшую на спинке стула.

Размахивая ей, с криком, бабка побежала к машине. Дрожавшими руками она отдала португею немцу. В благодарность, немец пожал бабке руку. Бабка поступила так, не услуживая немецкому офицеру, она боялась за свою жизнь, за жизнь дочери и внука.

За всё немецкое, что находили у жителей при обысках, немцы расстреливали.

* * *

Рассказал

участник Великой Отечественной войны

Лев Петрович Неверов

Родной брат Льва Петровича, Леонид, жил на дальнем Востоке. Он написал, что хочет приехать в гости, повидаться.

Лев Петрович встретил брата в Москве, и дальше на электропоезде они проследовали до поселка Воробьево.

Беседа в пути, брат обмолвился, что какое-то Воробьево осенью 1941 года он защищал.

– В Калужской области, как я знаю, два поселка с таким названием, – сказал Лев Петрович, – приедем – посмотрим.

Когда вышли на платформу, Леонид огляделся. Напротив, через ложину, поросшую бурьяном – деревня Гончаровка. Левее, в километре от нее, – поселок Воробьево.

– Похоже, это место. Лев, а можно пройти по бурьяну?

– Конечно, можно.

Брат шел впереди. Вдруг он остановился у неглубокой ямы.

– Здесь была первая позиция моей пушки, – сказал он.

Прошли еще:

– Вот вторая...

Прошли еще несколько метров.

– А эта третья... Да, сколько лет прошло, а позиции видны. Здесь меня комиссар чуть не застрелил.

– А что случилось?

Леонид стал рассказывать:

– Сидели мы у пушки – сорокопятаки (противотанковая). Вдруг, подбегает комиссар, и откуда он только взялся, достает из кобуры пистолет. «Застрелю! – кричит. – Сволочи! Трусые! Окопались здесь, предатели! Немцы по большаку идут, а вы отсидеться решили!»

Струхнул я, но ему отвечаю: «У меня двух бойцов убило, пушку не осилить».

Комиссар немного остыл. Огляделся. Пригнувшись, по бурьяну отступали разрозненные бойцы. Комиссар командовал: «Бойцы, ко мне! Взяли пушку! Покатали к дороге!»

И только мы выкатили пушку на большак, как из-за поворота появилась колонна немцев. «Заряжай! – командовал комиссар. – Прямой наводкой по врагу – огонь! Заряжай – огонь! Заряжай – огонь!» Вот они – настоящие комиссары! Если пришёл убивать, будь готов и умирать!

Снаряды резали колонну немцев. Сколько раз выстрелили – не считал, только немцы врасыпную, жить-то хочется. Обходить стали. Комиссар это увидел. Приказывает бросить пушку и уходить. Разбежались мы.

Больше комиссара я не встречал. Братья пошли к большаку.

– У дороги я прикопал двух моих бойцов, – сказал Леонид, – теперь уже не помню где.

Виноват перед ними.

Долго ходили по обочине дороги, но Леонид так и не вспомнил, где временно захоронил бойцов. Когда шли в поселок, Лев Петрович предложил зайти на братскую могилу, поклониться. . .

– Здесь мои ребята! – Леонид указал на плиту: на ней были высечены имена и его погибших бойцов. – Спасибо жителям, перезахоронили. Теперь я умереть могу спокойно, с чистой совестью.

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

Однажды, в дом, где жила моя бабка с дочерью (моей матерью) и внуком, постучали. Мать открыла. Пришла знакомая с подругой, с ними немец. Знакомую звали Мотя Алдошкина. У матери был патефон, и Мотя привела немца обменять патефон на полмешка муки.

Немцам хотелось веселья. Хочешь, не хочешь, а обменять пришлось. Да и мука в голодное время дороже патефона. В придачу немец забрал и пластинки. После войны Мотню подселили в квартиру к бывшему фронтовику-инвалиду, Николаю Ивановичу Кузнецову. У фронтовика на войне погиб сын, воевала дочь. Фронтовик часто ссорился с Мотей. Писал на неё жалобы в милицию, что она гуляла с немцами, но всё тщетно. Кто такая была Мотя?

* * *

Алдошкина Мотя мне рассказывала, что у неё во время оккупации квартировали финны. Группа разведчиков. К ней они относились хорошо. Один даже показывал фотографии своей жены и детей. Был, правда, вредный, рыжий финн. Его свои боялись.

Ночью уходили в разведку к русской передовой, днем спали. Раз ушли ночью к русским позициям и за деревней Михеево нарвались на засаду. Вернулись без рыжего. Она спросила:

– «Где рыжий?»

– «Михей», – был ответ. Случайно ли финны нарвались на засаду?

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

Рядом с больницей находилась конюшня. В конюшне немцы подвешивали убитый скот. Для этого у них были специальные приспособления: тали. Тали привязаны к балке, снизу крючок. За цепочку потянул – туша легко поднималась. Моя бабка это заметила.

Пошла ночью и ножом срезала несколько талей. Немцев отгонят – в хозяйстве пригодятся.

Тали кинула в колодец – потом «кошкой» можно достать. Утром пришел немецкий офицер с переводчиком (русским пленным).

Офицер сказал бабке через переводчика: «На тебя показали, что ты украла из конюшни тали. Верни. Даем час на размышление. Не отдашь – расстреляем». Ушли. Моя мать стала уговаривать бабку отдать тали, если она их взяла, но та крестилась перед иконой, что не брала. Через час снова пришел офицер с переводчиком. Спросил: «Брала?»

Ответ был: «Нет». Бабку увели. Прежде чем расстрелять, её привели в комендатуру.

– Последний раз тебя спрашиваю: брала? – был вопрос коменданта.

– Нет. Вот тебе крест, нет, – крестилась бабка.

– Расстрелять, – комендант был неумолим. Как утопающий хватается за соломинку, бабка спросила коменданта:

– А кто сказал, что я взяла?

– Твой сосед.

– Так вот что я вам скажу: он их и взял. Он у вас работает. Вы ему оставили корову, теленка, овец. Когда вас отсюда погонят, он на этих крючках будет вешать свой скот. А у меня нет никакой живности, все отобрали, хоть самой вешайся.

Комендант оказался наивным и доверчивым человеком. Он поверил бабке.

На самом деле, зачем ей тали? Бабку отпустили. Соседа нака-

зали плетьюми за ложный донос. Когда наши освободили Детчино, бабка призналась дочери, что она эти злосчастные тали срезала.

* * *

Рассказала

Мария Дмитриевна Белоусова

В доме, где жила моя бабка и мать с грудным ребенком, поселились чехи. Два водителя больших грузовых машин. Ехали к фронту, но горючее закончилось. И куда спешить? Войне скоро конец. Войска у Москвы. Ошибались.

В первый же день бабка заметила, что её жильцы почесывались. Догадалась: «вши».

Очень испугалась. Особенно за грудного ребенка. Заедят. Она нагрела воды в русской печке, сделала занавеску и объяснила постояльцам, что надо помыться, а грязную одежду отдать ей.

Постояльцы подчинились. Помылись, одели чистое бельё, а грязное бабка положила на противень и поставила в протопившуюся печь. В избе стоял треск. Это лопались вши от жары. Бельё постирала и выгладила утюгом. Чехи не знали, как её и отблагодарить. Они принесли из машины продукты. Чего здесь только не было. Ешь, бабка, сколько хочешь.

* * *

Рассказала

Мария Дмитриевна Белоусова

Послышался свист снаряда. Бабка подошла к окну. Немецкая комендатура как на ладони. Снаряд до неё не долетел. Не прошло и минуты, как послышался снова свист снаряда – перелёт. «Сейчас в комендатуру угодят», – сказала баба своим постояльцам – чехам. И третий снаряд попал точно в комендатуру. Кто-то корректировал. Немцы стали выносить раненых и убитых. «Смотрите, ваших побили», – радовалась бабка. Чехи отрицали. На ломаном русском языке говорили, что это выносят убитых русских.

* * *

Рассказала

Мария Дмитриевна Белоусова

Каждый вечер из соседнего дома приходил немец, набирал охапку дров и уходил.

Дрова лежали в сенцах. Чех мою бабушку спросил: «Чего он приходит?» Бабушка стала чеху объяснять, показывая на пальцах: «Он один раз пришел, два раза пришел, десять раз пришел, а потом у нас не будет дров, и мы замерзнем». Чех понял. На следующий вечер немец опять пришел за дровами. Когда немец выходил, чех сам открыл ему дверь и дал ногой в зад такого пинка, что тот кубарем покатился с крыльца. Больше немец за дровами не приходил.

Хорошо, что они еще не знали про бочку с мясом.

У моей бабушки в погребе стояла бочка с солониной. Война приближалась. Немцы придут – заберут мясо. Бочку из погреба вытащили. Солонины было полбочки. Поставили на улице под капели, залили водой. Плотный деревянный круг, придавленный камнем, воду не пропускал. Зимой вода замерзла. Так бочка и простояла всю оккупацию. Никто не догадался, что в бочке мясо. Когда немцев отогнали, солонина пригодилась.

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

Когда Чехи устраивали застолья, то приглашали мою бабушку. Наваливали ей шнапса. Она не отказывалась, говорила только, что здесь пить не будет, стесняется, уходила за шторы, к дочери, сливала шнапс в бутылку, и выходила с пустым стаканом, морщась, будто выпила.

Садилась, закусывала. Чехи смеялись. За всю оккупацию шнапса набралось очень много. Он пригодился. После отступления немцев хоронили убитых родственников. Могилы копать никто не соглашался, земля мерзлая. А за шнапс копали с удовольствием. Сама бабушка за свою жизнь, а она прожила 89 лет, не выпила ни одной стопки ни вина, ни водки.

Бабкины постояльцы жили на широкую ногу. Каждый вечер гулянка. В гости приходили немцы. На столе чего только нет. Просили только бабку принести из погреба солёных огурцов и квашеной капусты. Приглашали к столу и мать. Мать боялась и стеснялась. Она сидела с грудным ребёнком за ширмой. Бабка со стола приносила ей чего-нибудь поесть. А сама уплетала за обе щеки. Любила чёрный хлеб, намазанный свиным топленым салом. Немец намазал кусок хлеба топленным салом и подал хозяйке. Та ела, а сама по-всякому их ругала: «Немые собаки, не видеть вам Москвы, как своих ушей, побьют вас всех и закопают на помойке...»

Да и что не ругать, они ведь по-русски не понимают. Немец намазал второй кусок, подал бабке. Бабка упледала и второй. Тут пришла соседка. Поздоровалась, кивнув, и шмыгнула за занавеску к моей матери. Бабка продолжала ругать немцев.

– Шур, мать чего – сдурела? Зачем она немцев ругает? Убьют.

– Они по-русски не понимают.

– Как не понимают? Вот тот немец, что мажет ей хлеб, вчера пришел ко мне и говорит: «Мне сказали, у тебя есть конь». «Есть, – отвечаю, – но он хромает». «Выведи, пусть пробежится по лужайке. Я посмотрю: хромает он или нет». – Чисто по-русски говорил. Я даже подумала, что русский пленный.

И тут они услышали, как подавая бабке третий кусок хлеба с салом, немец чисто по-русски сказал: «У бабки волчий аппетит». Все засмеялись. Обошлось. Немцы были в хорошем настроении: Москва скоро падёт. Войне конец. Они вернутся домой. Ошибались.

* * *

Рассказала

Екатерина Романовна Паршина

У Екатерины Паршиной было пять детей: младшей – год и девять месяцев, старшему – 16 лет. Запасы еды закончились. Хоть умирай с голоду. Она пошла к немецкому коменданту. Он спросил:

– Зачем пришла?

– Пан, – говорит она ему. – Вы теперь у власти?

– Да, – отвечает.

– У меня пять маленьких детей. Кормить нечем. Умрут. А они твои будущие работники.

Речь женщины немцу понравилась.

– Чего ты хочешь?

– Дай хоть хлеба.

Комендант написал записку и послал её в пекарню. Пекарню немцы открыли для себя. Там работали русские женщины. Екатерина постучала в окошко, подала записку одной из них. Ты швырнула записку обратно: «Завтра придешь. Сегодня хлеба нет». Пришла на следующий день. Опять тоже самое: «Приходи завтра». Екатерина снова пошла к коменданту: «Пан, хреновая ваша власть, не слушаются тебя». Комендант улыбнулся и в своей записке что-то приписал, и снова послал Екатерину в пекарню. И только тогда, с какой-то озлобленностью, пекариха дала ей пять буханок хлеба.

При Хрущёве с хлебом стало туго. За хлебом у палаток и магазина толпились люди с утра до вечера. Давали по буханке в руки. Екатерина, по старой памяти, пошла в пекарню, попросить буханочку, за деньги, конечно. Постучала в окошко. Окошко открыла все та же пекариха, что пекла хлеб во время оккупации.

– Тебе чего?

– Дай буханочку, я заплачу.

– Нет хлеба. Иди отсюда.

– А ты на меня голос не повышай. Это тебе не при немцах.

Пекариха пошла и принесла буханку черного хлеба, деньги не взяла.

* * *

Рассказала

Мария Романовна Силакова (Степанова)

В разгар наступления наших войск под Москвой, со стороны Серпухова, один батальон ударил по деревне Михеево. Регулярных немецких войск не было, а тыловики большого сопротивления не оказали и отступили. Наши бойцы, в белых полушубках, в валенках, в шапках – ушанках, при полном вооружении выглядели героями. Удар был хорош.

Батальон отрезал отступающим немцам железную дорогу и Калужскую шоссею.

Командир спросил сельчан, есть ли в деревне кузнецы. Показали на Силакова Романа и Николая, отчима первого мужа моей матери (фамилии я не знаю). Их послали на Михеевский чугунный мост разобрать железнодорожную линию, чтобы пустить немецкий санитарный поезд под откос, оказавшийся в тылу. Кузнецы ушли, взяв кувалду и лом.

А солдаты открыли немецкие машины с продовольствием и обмундированием. В машине с продовольствием было и спиртное. На радостях бойцы выпили лишнего и легли спать по домам и в одном из сараев, где была солома. Жители поверили, что наши пришли навсегда. Некоторые из сельчан набрали из машин немецкого обмундирования и продуктов.

Немцы узнали, что путь к отступлению им отрезан. И утром часть регулярных немецких войск пришла в деревню Михеево. Охраны почти не было. Немцы застали наших солдат спящими. Бой был короткий. Остатки батальона отступили вверх по речке Путьинке к деревне Рябцево.

Началась карательная операция. Немцы ходили по домам и, у кого находили что-то немецкое, расстреливали. Когда пришли наши войска и немцы оставили и Михеево, и Детчино, часть разбитого батальона, прятаясь в лесу, вернулась. Командира батальона расстреляли тут же перед строем. Силакова и Николая нашли убитыми у железнодорожной насыпи. Николая застрелили в грудь, Силакова – в лоб. Немцы знали про санитарный поезд и охраняли железную дорогу. Дочь Силакова, а ей было 16 лет, ушла с нашими войсками на фронт санитаркой. Кузнецы покоятся на Михеевском кладбище в одной могиле.

* * *

Рассказал

Сергей Васильевич Ионов

С восточной стороны поселка Детчино, где сейчас дачи, русские обстреливали из минометов немецкие позиции. Мины залетали и в поселок. Подростки бегали по улицам, интересно. Один осколок от

разорвавшейся мины попал ребенку в ногу. Мать на санках повезла его к немецкому врачу, прихватив с собой жареную курицу, как плату. Врач извлёк осколок, обработал рану, наложил повязку. От курицы отказался. Сказал, что если она ему принесет ещё что-нибудь, то он лечить её сына не будет, пусть сын ест курицу. Когда немцы стали покидать поселок, немецкий врач написал по латыни записку и отдал женщине.

Сказал: «Передай русскому врачу, он долечит сына». Неразумная женщина, как только пришли русские, отнесла записку русскому врачу.

Какими только словами он её не обзывал. Называл немецкой подстилкой, грозился сгноить в тюрьме, обвинял в пособничестве немцам. Сына он всё-таки долечил, но кур женщина лишилась, как плату за лечение.

«В семье не без уроды».

* * *

Рассказала

Мария Дмитриевна Белоусова

Как только слышались взрывы со стороны наступающих русских войск, чехи, жившие в доме моей бабки и матери, из машины погрузили продукты (сколько могли увезти) на конные сани, впряглись в них и потащили в сторону Лысой горы, на запад. Прежде чем уйти, они сняли двигатели с машин, обернули ветошью и закопали в сарае. Бабке сказали: «Никому не говори. Мы еще вернемся». Ошибались. Бабка и мать видели, как на Лысой горе наша «Аннушка» расстреливала из пулемета отступавших. Когда пришла Красная Армия, бабка сразу же показала, где закопаны двигатели.

Когда начались бои за деревню Михеево, немцы хотели поставить пулемет на чердаке дома, где жила бабка и моя мать с грудным ребенком. Бабка стала просить офицера не ставить пулемет: мол, русские будут стрелять по дому, и им негде будет жить. Удивительно, но немец послушался, и пулемет поставили в другом месте. Дом уцелел.

Отступая, немцы заходили в уцелевшие дома и брали все, что плохо лежит: валенки, полушубки, шапки-ушанки, рукавицы. Не брезговали и едой. Один немец, рассказывала моя бабка, высыпал из чугунок варёную картошку в мундире себе в рюкзак. Забрали и остаток муки, которую немцы когда-то обменяли на патефон. У одного немца уши были закрыты двумя или тремя, вместе сложенными бюстгальтерами. Голод и холод – не тетки.

Наши войска атаковали и днем, и ночью, не давая немцам покоя. Отбив очередную атаку, немцы забегали в избы (на улице был сорокаградусный мороз), от усталости падали на пол и тут же засыпали. Не проходило и получаса, как командиры окриком поднимали их и гнали на мороз под пули. Так продолжалось сутки. Утром немцы ушли. В деревню Михеево и в село Детчино вошли наши. Это было 9 января 1942 года.

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

В начале января 1942 года немцы в районе Михеево–Детчино разбомбили эшелон с лошадьми, двигавшийся к фронту (воинская часть из конницы генерала Белова). Трупы замерших лошадей лежали по обочинам вдоль железнодорожного полотна. Жители ходили туда и двухручками (двуручная пила) отпиливали куски мяса. Варили и ели.

Моя мать пришла к своей родственнице по первому мужу, увидела на русской печке яловые немецкие сапоги. Она хотела взять один сапог, но он оказался очень тяжёлым. В сапогах были отрубленные ноги немецкого солдата.

Население по-своему мстило врагу за причиненное горе. После отступления немцев началось мародерство. В окрестности было множество трупов. Некоторые жители отрубали у немцев ноги, оттаивали на печке, а затем крючком-рожнецом, которым дергают сено из стога, вытаскивали их из яловых сапог.

Я знал одного такого человека (в то время он был подростком). Но по этическим соображениям его имя называть не буду.

Совпадение это или нет, но он, будучи уже взрослым, работал в шахте. Случился обвал. Ему раздробило ноги, и их пришлось ампутировать.

Один подросток увидел на пальце убитого перстень. Ножа не было. Чтобы снять его, он сломал в суставе палец, а потом зубами перегрыз мерзлую кожу. Бог им судья.

Война и оккупация нарушила психику детей. Они по-своему выражали ненависть к врагу. Дети катались с горки на замерших трупах немецких солдат. Немецкий самолет разбросал над поселком листовки. В них было написано: «Вы издеваетесь над нашими мертвыми, а мы над вашими живыми».

Не понятно, как они про это узнали, ведь фронт уже давно откатился на запад.

Один мой случайный знакомый, житель деревни Мандрино, во время оккупации ему было 12 лет, рассказал мне, что играл с немцем в карты на деньги. Немец проиграл, но потом отобрал у него проигранное, да еще и уши надрал.

Однажды по деревне Михеево, вели пленных.

Мальчишки кидались в них замерзшим конским навозом.

Конвойные смеялись. В одном из пленных он узнал обидчика. Побежал домой, взял хлеба и дал немцу. Немец прослезился. Вот она – русская душа.

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

Наступил мир, а война продолжала о себе напоминать: в деревне Желудовке подорвались на снаряде 12 детей. Одиннадцать погибли, один был ранен. Из деревни Михеево подорвались и погибли два ребенка. Из деревни Кульнево подорвались на снаряде отец (пастух) с сыном. Отец погиб. Сын получил ранения, но выжил. Какое-то время спустя из этой же деревни подорвались на mine три подростка. Два подростка погибли, третий был тяжело ранен. Это только то, что я знаю.

* * *

Рассказала

Александра Васильевна Докина

В селе Детчино во время оккупации было немецкое кладбище. Все как положено: деревянные кресты, таблички, на крестах – каски. Когда немцы отступили, кресты сломали, могилы сравняли с землей. Я знаю, где это место, но объяснять не буду. Сейчас там дома сельчан. Прямо на могилах. Краем уха я слышал, что один сельчанин, фамилию я называть не буду, копая траншею под фундамент для пристройки, наткнулся на человеческие кости.

Очень удивился. Кости сложил в мешок и отнес на мусорку. Впоследствии у этого человека трагически погибла вся семья и он сам. Остался сын – инвалид. Может это просто совпадение...

Сельчане ничего не знают о кладбище. Пусть не знают. Так лучше.

* * *

Рассказала

Мария Дмитриевна Белоусова

Уже после войны, в деревне Михеево, дети, играя в догонялки, часто спотыкались о кончик сапога, торчавший из земли. Долго на это никто не обращал внимания. Потом решили откопать сапог, чтобы не мешал. Оказалось, это убитый немец. Его когда-то чуть прикопали и забыли.

Немца перезахоронили, куда – не знаю.

Так и не прошёл он по Красной Площади.

Николай Яценко

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 27.09.2019. Формат 60х84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 1,5 усл. печ. л.
Тираж 200 экз. Заказ 136.

Отпечатано «Наша Полиграфия»,
248009, г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126,
тел. (4842) 77-00-75.